
ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ ЛЕНИНГРАДА В ДНЕВНИКАХ 1941–1943 гг.

Д. Ю. Асташкин

Аннотация: Статья исследует тему эвакуации детей Ленинграда на примере дневников. В частности, автор изучает эмоциональное отношение ленинградцев ко всем волнам эвакуации детей. Критические оценки первой эвакуации 1941 года в Ленинградскую область (без матерей) содержатся минимум в 10 процентах дневниковых записей. С 10 августа 1941 г. в Ленинграде началась принудительная эвакуация матерей с детьми. Власть подчеркивала, что августовская эвакуация детей будет эффективней первой эвакуации, что пункты назначения значительно удалены от фронта. Эвакуация матерей с детьми оборвалась к концу августа 1941 г. из-за движения фронта, списки эвакуированных были отложены. Эта вынужденная пауза некоторым принесла фаталистическое успокоение. С ноября 1941 г. тема эвакуации опять была поднята властью. Страдания в городе изменили отношение ленинградцев к эвакуации.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Ленинград; эвакуация; нацизм; дети; дневники; эго-документы

THE EVACUATION OF LENINGRAD CHILDREN IN THE DIARIES OF 1941–1943

Summary: The article explores the theme of the evacuation of the children of Leningrad on the example of diaries. In particular, the author studies the emotional attitude of Leningraders to all waves of evacuation of children. Critical assessments of the first evacuation in 1941 to the Leningrad region (without mothers) are contained in at least 10 percent of diary entries. On August 10, 1941, forced evacuation of mothers with children began in Leningrad. The authorities emphasized that the August evacuation of children would be more effective than the first evacuation, that the destinations were far from the front. The evacuation of mothers with children was interrupted by the end of August 1941 due to the movement of the front, the lists of evacuees were postponed. This forced pause has brought fatalistic reassurance to some. Since November 1941, the topic of evacuation was again raised by the authorities. The suffering in the city changed the attitude of Leningraders towards the evacuation.

Keywords: World War II; Leningrad; evacuation; Nazism; children; diaries; ego documents

В экстремальных условиях у общества может слететь налет цивилизации, сместиться понятие нормы. В кризисах проявляются новые практики выживания, которые ситуативно меняются. Отношение к самым слабым членам общества в кризис – индикатор состояния самого общества. История блокады Ленинграда многое сказала о ленинградцах, которые самоотверженно эвакуировали десятки тысяч детей. Как писал историк блокадного Ленинграда Сергей Яров: «Эвакуация Ленинграда – великое и благородное дело, она позволила спасти и тех, кто уехал, и тех, кто остался. <...> Некоторые документы читать нелегко. Меняют ли они существенно наши представления об облике ленинградцев? Нет, они остались такими, какими и были, с неутраченной человечностью. Обратим внимание, как много на фотографиях детей среди эвакуированных, – их же не бросали, не подкидывали, их закутывали как можно теплее, берегли, опекали» [1, с. 226].

Об эвакуации из Ленинграда существует немало исследований (например, выделим недавнюю коллективную монографию «Побратимы» [2]), но именно об эвакуации детей, со всей ее специфичностью и сложностью, написано меньше. В этом контексте отметим исследования Л. Л. Газиевой: эвакуации детей из Ленинграда посвящена 3 глава ее диссертационного исследования [3], также она проанализировала организационный и финансовый аспекты эвакуации детей [4]. О неэффективной летней эвакуации детей из Ленинграда в Ленинградскую область в 1941 г. нами написана глава в коллективной монографии «Побратимы» [5] и статья об обстреле детского эшелона на станции Лычково [6]. Использовали дневники для анализа феномена пешей эвакуации В. Л. Пянкевич и А. Н. Чистиков в статье «Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г.» [7]. В рамках изучения эго-документов большой интерес представляет и статья Д. А. Вычерова «Эвакуация в дневниках ленинградских детей и подростков в 1941–1942 гг.» [8], где автор последовательно изучил эмоции ленинградских детей и подростков относительно этапов эвакуации 1941–1942 гг.

Мы попытаемся развить и дополнить вышеприведенные исследования об эвакуации детей на примере дневников взрослых ленинградцев. В частности, нам важно проследить эмоциональное отношение ленинградцев ко всем волнам эвакуации детей из города. В исследовании мы вдохновлялись методами С. В. Ярова по анализу общественных настроений в дневниковых записях [9] и методологией Габриэллы Янке (Gabriele Jancke) по изучению дневников в пересекающихся контекстах [10]. Для этого мы используем анализ эго-документов: основу наших источников составили дневники 1941–

1943 гг. из базы дневников Центра «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге. По ключевым словам «Ленинград», «дети», «эвакуация» в периоде 22 июня 1941 – 31 декабря 1943 г. мы выявили 180 дневниковых записей 86 авторов. Особый источниковедческий интерес представляют подробные ретроспективные записи в дневниках 1942 и 1943 гг. с оценкой эвакуации 1941 г.

Итак, по отчету городской эвакуационной комиссии от 26 апреля 1942 г. эвакуация населения Ленинграда имела два периода: «а) первый период – эвакуация с 29 июня по 27 августа 1941 г., до блокады города; б) второй – эвакуация во время блокады» [11]. Первый этап имел две особенности: «а) нежелание эвакуироваться из Ленинграда; б) много детей из Ленинграда эвакуировано в районы Ленинградской области (восточные и юго-восточные). Всего за первый период были эвакуированы 395 091 детей, из них возвращено обратно в Ленинград 175 400» [11]. То есть в июне-июле 1941 г. десятки тысяч детей из Ленинграда были эвакуированы в Ленинградскую область – место их традиционного летнего отдыха, но фактически они попали в хаос войны, под вражеские обстрелы.

Тревога родителей росла по мере оккупации районов Ленинградской области (здесь и далее речь идет об административных границах до 1944 г.). Некоторые ленинградцы не выдерживали неизвестности и отпрашивались у начальства для поиска детей. Так, директор Архива Академии наук СССР в Ленинграде Г. А. Князев записал в дневнике 18 августа 1941 г. «С эвакуированными детьми неблагополучно. Матери едут за своими детьми. Я отпустил служащую у нас машинисткой Т. К. Орбели в Боровичи за своими двумя дочками 9 и 12 лет» [12]. Судя по дневникам и воспоминаниям педагогов, родители начали приезжать за своими детьми с середины июля 1941 г.: «18 июля. Появляются в других детских домах [*Любытинского района – Д. А.*] мамы, забирают детей домой. <...> 22 июля. Ко мне еще нет движения мамаш» [13].

Реэвакуация в августе 1941 г. становилась все сложнее – враг оккупировал важные транспортные узлы: Старая Русса (9 августа), Новгород (19 августа), Чудово (20 августа), – эшелоны постоянно обстреливались с воздуха. Из дневника педагога А. Мироновой: «2 августа. Как страшно за детей! Их 4000 человек. Мы можем ехать только ночью. Днем бомбит ж.-д. ст. Вишеру, Окуловку. Днем дети сидят в лесу, уводим из состава. Старшие понимают опасность. Сосредоточены. 3 августа. Проскочили ряд станций. <...> На наш состав было несколько налетов. <...> Дети не плакали,

они стали взрослые за эти три дня. <...> девочки были сосредоточены, испуганы. Мальчики держались с достоинством – мужчины, засыпали со мною детей узлами, бельем. Мы в Ленинград уже привезли других детей...» [13].

Из-за обстрелов большинство детей были уже в августе 1941 г. реэвакуированы (властями и родителями) в Ленинград, который все плотнее блокировали немецко-финские войска. Некоторых детей успели отправить из восточных районов Ленобласти в другие области (Ярославскую, Кировскую). Удалось вывезти не всех: часть детей погибла при обстрелах, а часть пропала в оккупации. Как утверждает исследовательница Л. Л. Газиева: «Потери детей при эвакуации за 1941 г. составили 81 426 пропавших в Ленобласти» [14]. Дневники взрослых эмоционально пересказывали впечатления вернувшихся в Ленинград детей, причем рассказы об обстрелах еще могли вызывать сомнения. Из дневника Георгия Князева, 21 июля 1941 г.: «Вернулись педагоги с детьми с Валдая. <...> Гога, наш сосед по квартире. Рассказывает всякие небылицы, как они голодали, ночевали в лесу и т. д. Конечно, было нелегко, но вряд ли рассказы Гоги передают действительность без искажения. <...> Жаль, что так плохо вышло с эвакуацией детей из Ленинграда. Понемногу все опять съезжаются. У нас полон двор ребят» [12].

В целом, в дневниках ленинградцев есть немало негативных оценок первой эвакуации лета 1941 г., сделанных по горячим следам. Так, Ольга Берггольц 14 августа 1941 г. характеризует эвакуацию как «преступные действия»: «Масса нелепых, почти – да нет, прямо преступных действий, – как, например, первая эвакуация детей, затем – паника, которую подняли оправдомы при второй [нашей] эвакуации, рытье траншей на Средней Рогатке и т. д. и т. д. Бездарно-с!» [15].

Химик Алексей Тумарев в дневнике 19 октября 1941 г. перечислял проблемы эвакуации на личном семейном примере: «Решено было эвакуировать из Ленинграда детей. Однако проведена эта операция была неудовлетворительно с самого начала до конца. <...> На месте оказалось, что штат служащих детдомов не может справиться с оравой детей, которые неотлучно находятся круглые сутки. В довершение оказалось, что и районы, выбранные для эвакуации, неудовлетворительны. Родители начали брать детей частным образом, а вскоре оставшихся привезли в Ленинград организованно. В результате потеряно время, измучены дети и родители, бесполезно работал транспорт, поставлена под вопрос польза эвакуации вообще. Моим ребятам тоже пришлось участвовать в этой кутерьме. Уехали одни с детским садом ДУ.

Мать не могла примириться с разлукой. Рвалась к детям. Кое-как полулегально удалось ей туда пробраться. (Великое одолжение!). Приехали обратно, надолго утратив охоту к путешествиям, да уже и упустили благоприятный момент для отъезда» [16].

Спустя год некоторые авторы дневников заново анализировали произошедшее, искали виноватых, печальный опыт пережитого сделал их оценки еще резче. Из дневника Николая Ласточкина, ретроспективная запись 6 августа 1942 г.: «Июнь 1941 г. Начинают поговаривать об эвакуации детей в районы Ленинградской области. Эта безумная вражеская мысль, поддерживаемая нашими головоотяпами, стоила жизни сотням ребят, не говоря уже о страданиях и страхах родителей. Детей отправляли в Порхов, Старую Руссу, то есть по направлению к наступающему врагу» [17].

Отметим, что критические оценки «летней» эвакуации 1941 г. в Ленинградскую область звучат минимум в 10 процентах записей из изученных нами. Такие оценки действий властей были опасны для авторов, поскольку спецслужбы тщательно фиксировали подобные «типичные высказывания». Так, Никита Ломагин в книге «Неизвестная блокада» приводит спецсообщение Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду 10 декабря 1941 г. (документ № 55), где содержатся «слухи, что проходящая частичная эвакуация населения является подготовкой к сдаче города немцам», «отрицательное отношение к эвакуации» и «жалобы на неорганизованность проведения эвакуации» [18]. Так, в спецсообщении цитировалось мнение директора 1-го Автогрузового парка Крупицкого с критикой эвакуации через Ладогу на примере эвакуации июля 1941 г.: «Не подумав, эвакуировали детей в Старорусский, Демянский и др. районы области и в результате много детей загубили» [18].

С 10 августа 1941 г. в Ленинграде началась принудительная эвакуация матерей с детьми. Алексей Тумарев ретроспективно, 16 октября 1941 г., перечислял меры властей с уже поздним пониманием их слабой эффективности: «10 августа выходит постановление об обязательной эвакуации. Рассылаются повестки с предложением выехать в трехнедельный срок. Не подчинившимся не будут выданы продкарточки, дети будут взяты в очаг, и матери отправлены на труд. работы. Составляются эшелоны к отправке. Но это легче написать, труднее практически вывезти из Ленинграда миллионы матерей с детьми в условиях быстро приближающегося фронта. Отправка эшелонов начинает откладываться, преимущественно вывозятся некоторые заводы. Прошло немного времени (27–28 авг.), и эвакуация практически прекратилась» [16].

Власти приходилось подчеркивать, что августовская эвакуация детей будет эффективней июльской, что ошибки первой эвакуации учтены, а пункты назначения значительно удалены от фронта. Из дневника театрального художника Николая Ласточкина, август, 1941 г.: «Эвакуация (первая) в разгаре. Вечером собрание во дворе дома. Какой-то дядя из Райсовета агитирует женщин с детьми на отъезд. Ему резонно напоминают «эвакуацию» детей, окончившуюся так печально. Теперь эвакуация организованная, обязательная, с питанием в пути и обязательством предоставить работу на месте. Выбор – предуральские, сибирские и среднеазиатские области» [17].

Ленинградцы испытывали мучительные сомнения в поисках верного решения. С одной стороны, тревога за судьбу детей и опасения бомбардировок города побуждали к эвакуации. С другой стороны, страхи перемены дома, потери имущества, прощания с друзьями и с городом – все это держало людей в Ленинграде. Ленинградцы несколько раз в день советовались друг с другом, выбирая оптимальный вариант. Несомненно, что и опыт первой неудачной эвакуации июня-июля 1941 г. сильно влиял на восприятие этой августовской эвакуации. Так, об этом эхе «позорно неудачной эвакуации» пишет Ирина Зеленская, начальница планового отдела 7-й Государственной электростанции, в двух записях 11 августа и 18 августа 1941 г.: «Опять встал на очередь вопрос эвакуации детей, после того, как их, благодаря негодной организации дела, в большинстве вернули назад или позабирали родители» [19], «Женщины, уже обжегшиеся на первой, позорно неудачной эвакуации, упираются, отказываются ехать, потом соглашаются, потом опять отказываются – мука! А я с ужасом смотрю на детей, которые по-прежнему кишат в Ленинграде. Не знаю, сколько их уехало, но на улицах и в трамваях детей не стало меньше. И это – ужасающее непонимание событий! Иногда я готова завидовать этим беспечным, неведающим, но я не хотела бы быть на их месте, когда они поймут и замечутся в панической растерянности. Я-то ко всему готова» [19].

Характеристику «неудачная» по отношению к первой эвакуации использовала в дневнике и Мария Руднева (жена известного советского архитектора Бориса Руднева) 13 августа 1941 г.: «Опять эвакуация матерей с детьми, и после первой неудачной никто не хочет ехать. Вопли и слезы. Потеряли детей и перенесли много ужасов матери в первую эвакуацию. Везде же за Ленинградом голод и бомбят поезда и железную дорогу. По Московской железной дороге, говорят, разбиты все вокзалы» [20].

Кроме того, авторы дневников отмечали сильный страх неизвестности. Из дневника Георгия Князева, 18 августа 1941 г.: «Очень многие уезжают; женщины с детьми, уезжая неведомо куда, почти обезумели от отчаяния. На вокзале (Октябрьском) – столпотворение... Один путь для отъезжающих – через Вологду. Октябрьская дорога жестоко бомбится. Конечно, море всевозможных слухов, преувеличений, создание всяких ужасов. На службе две уезжающие матери [одна из них – Т. К. Орбели-Алексеева, о которой см. ниже. – Д. А.] измучили себя и нас. Конечный пункт маршрута изменили, теперь не Чимкент, а Челябинск. Это их и расстроило еще более. Что они будут там делать, чем жить!» [12].

На этом фоне страха и неуверенности возникали панические слухи об эвакуации как о предвестнике сдачи Ленинграда. Из дневника Георгия Князева, 14 августа 1941 г.: «Город полон всевозможными слухами. Особенно в нервном состоянии женщины. До последних дней они крепились. Сейчас не выдержали нервы. Вчера, говорят, целые толпы возбужденных женщин толпились у Смольного. Тому, чему я так радовался, – спокойствию, выдержке пришел конец. Одной женщине, не желающей подвергать своего ребенка всем испытаниям, в районном совете ответили: «Не хотите выехать организованно, потом пешком пойдете». Что же это? Подготовка к эвакуации всего населения, к сдаче Ленинграда? Сегодня даже стойкие люди струхнули. <...> Газеты полны ужасами, пережитыми жителями в оставленных городах. Действительно, самое страшное – массовая эвакуация, и одинаково страшное – быть захваченным немцами и подвергнуться террору палачей. Я об этом стараюсь не думать. У многих развивается «паникерское» настроение. Ждут бомб, ждут немцев, ждут кошмара эвакуации, ждут сокращения, безработицы...» [12].

Более уверенно себя чувствовали те, кто направлялся в эвакуацию к родственникам, которые могли помочь жильем и едой. Педагог Ксения Ползикова-Рубец записала в дневнике 24 августа 1941 г. наблюдение о том, как пятиклассник Коля, оптимистично собиравшийся в эвакуацию к деду Николаю из деревни Гнездово (Ярославская область), приглашал туда и свою учительницу: «У нас можно пожить, изба большая, корова есть, молока много!» [21]. Вместе с тем, как пишет Д. А. Вычеров, по детским дневникам видно, что подавляющее большинство ленинградских детей и подростков не желали покидать Ленинград в первые месяцы войны, это было «стремление прикоснуться к войне, нежелание разрывать сложившиеся практики и процедуры своей повседневной жизни» [8]. Однако большое

количество несовершеннолетних изменило свое отношение к эвакуации по мере ухудшения ситуации с продовольствием, теплоснабжением, безопасностью на улицах.

Эвакуация матерей с детьми оборвалась к концу августа 1941 г. из-за движения фронта, а списки эвакуированных были отложены. Парадокс, но эта вынужденная пауза некоторым принесла фаталистическое успокоение. Это психологическое облегчение отметил 31 августа 1941 г. медик поликлиники № 27 Октябрьского района Дмитрий Дмитриев: «В первые дни многим имеющим детей до 12-ти лет повестками из жактов предписывалась эвакуация в короткие сроки. Много слез было пролито. Но затем постепенно этот вопрос перестал быть острым. Много матерей с детьми покинуло Ленинград, но большинство осталось, и убыли детей на улицах Ленинграда не замечается. Всех детей эвакуировать, конечно, не представлялось возможным, т. к. не могло бы хватить железнодорожных вагонов, и, постепенно, матери к настоящему времени успокоились» [22].

Это успокоение было обманчивым, некоторые тревожные родители тайно, чтобы не обвинили в пораженчестве, готовили детей к выживанию в оккупации. Актриса Татьяна Булах-Гардина записала в дневнике 6 сентября 1941 г.: «Многие усиленно крестят детей, не крещеных раньше из-за антирелигиозных воззрений, пропаганды и преследований. Одевают им образки и кресты, чтобы немцы не приняли их за евреев» [23].

Поскольку в сентябре 1941 г. массовая эвакуация стала невозможна из-за движения фронта, тема ушла из актуальной повестки, и, следовательно, частота ее упоминания снизилась в дневниках на фоне проблем выживания. Вместе с тем условия для детей значительно ухудшились, что отразилось в дневниках повсеместно.

С ноября 1941 г., когда установился лед, тема эвакуации опять была поднята властью, ленинградцы обсуждали пеший переход по льду Ладожского озера. За осень Ленинград уже испытал голод (так, в последней декаде ноября 1941 года служащие, иждивенцы и дети до 12 лет получали в день 125 г хлеба), это изменило отношение к эвакуации, даже к пешей. Как замечают В. Л. Пянкевич и А. Н. Чистиков: «Характерными особенностями декабрьских записей по сравнению с ноябрьскими были, во-первых, их развернутость, во-вторых, оценка ленинградцами своих сил для предстоящего «пешеходно-бомбежного», по выражению И. Ф. Кратта, похода. Перспективу пешком вырваться из блокадного кольца горожане воспринимали не только с большой надеждой, но и с тревогой, с опасениями» [7, с. 59].

В итоге, женщины с детьми были настроены на эвакуацию решительнее прочих ленинградцев. В частности, это было видно по сотрудницам Архива Академии наук СССР, о которых написал Григорий Князев в дневнике 3 декабря 1941 г.: «Хотят уезжать Орбели с тремя детьми (9-ти, 12-ти и 15-ти [лет]), Урманчеева тоже с тремя детьми (1-го, 3-х и 5-ти [лет]), Травина колеблется. Остальные отказались, идти пешком придется около 150–200 километров. Багаж и детей обещают везти. Панический ужас перед голодом бросает людей на большой риск. Орбели говорит: “Все равно: здесь умереть голодной смертью, идти – иметь какой-то шанс на спасение”» [12].

Таким образом, зимой 1941 г. Ленинград уже воспринимался как опасное место, а эвакуация как спасение. Авторы дневников отмечали это резкое изменение отношения за три месяца. Ирина Зеленская записала в дневнике 5 декабря 1941 г.: «Возобновилась эвакуация заводов и рабочих с семьями, но пешим порядком. Километров 200 надо идти путь через Ладогу. Нелегкое путешествие, но многие соглашаются даже с детьми, лишь бы прочь из Ленинграда. А как приходилось уговаривать людей 3 месяца тому назад, как все упирались! Теперь же, когда дети стоят вплотную рядом с голодом, – другой разговор. А детей в Ленинграде невероятно много, будто их и вовсе не вывозили. Очень страшно за них» [19].

На долгом пути по льду женщины и дети просили помощи у шоферов грузовиков. В одних дневниках содержится информация о том, что шоферы старались помочь, но есть и неverified слухи, что машины давили людей, которые хватались за колеса. Так, художница Любовь Шапорина записала в дневнике 18 декабря 1941 г. пересказ чужого пересказа: «Их знакомый военный приехал с Ладоги, насмотревшись на пешую эвакуацию. Люди замерзали. Матери теряли детей, возвращались и находили их мертвыми. Толпы бросались на проезжающие машины, хватались за колеса, бросались под автомобили, которые ехали, катились дальше с окровавленными колесами. «Это тоже одно из преступлений», – добавил А. А.» [23]. В целом же, как отмечают В. Л. Пянкевич и А. Н. Чистиков, в дневниках встречается двойное отношение ленинградцев к идее пешей эвакуации по льду: «Одни, избавляясь от голода и холода, были готовы рискнуть, чтобы в случае удачного исхода найти спасение на Большой земле, другие пытались здраво соотнести свои силы и условия перехода, понимая реальную опасность такого способа эвакуации» [7, с. 64].

Судя по дневникам, на возросший интерес к зимней эвакуации повлиял также ряд других страхов: часть ленинградцев думала, что весной не сможет уехать по воде, часть боялась весеннего гниения мертвых тел в городе, часть

опасалась летнего вражеского наступления и сдачи города. Некоторые матери самоотверженно готовили своих детей к эвакуации, откладывали для них продукты, а сами болели от голода и умирали. Так, Георгий Князев описал в дневнике 16 марта 1942 г. смерть своей сотрудницы Т. К. Орбели-Алексеевой, которая эвакуировала трех дочерей, но сама не смогла уехать: «На службе мне сообщили, что Т. К. Орбели-Алексеева на днях (13. III) умерла. Она мучительно и долго погибала. Слегла она в январе. Перед эвакуацией детей (трех девочек) в начале февраля добрела до Архива, держась за стенки домов, слегла, и окончательно уже. Проводить детей ей не удалось. Они одни уезжали. А она осталась... И умерла в холодной нетопленной комнате, всеми оставленная... <...> Когда я видел ее в последний раз перед эвакуацией ее детей, у нее еще теплилась надежда, что, может быть, и она сможет уехать. Добравшись до дому (кто знает, как она добралась до него!), она поняла, что никуда не сможет уехать. Надо спасти во что бы то ни стало детей, а самой остаться умереть. Матери, матери, которым попадут эти строчки, вы поймете, что должна была пережить эта несчастная мать трех девочек. Вы никогда не допустите совершиться тому безумству в мире, которое называется войной!» [12].

Через дневник Георгия Князева можно фрагментарно проследить не только судьбу бывшей жены академика Иосифа Орбели и ее детей, но и меняющееся материнское отношение к эвакуации. Да, директор Архива и машинистка не были близки, но историк Георгий Князев обладал большой эмпатией и методично фиксировал наблюдения за эмоциями окружающих в дневнике. Через его записи с августа 1941 г. по март 1942 г. мы видим страдания многодетной матери Т. К. Орбели-Алексеевой во временной динамике: неудачная летняя эвакуация двух девочек (одна из них с больной ногой) на Валдай, их поиски матерью и возврат, мучения и сомнения из-за новостей о принудительной эвакуации августа (не хватает денег, страшно ехать в неизвестность). Затем – голодная осень, болезни, удачная эвакуация детей, невозможность уехать из-за болезни, смерть матери. За одной такой судьбой стоят тысячи судеб ленинградских матерей и детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яров, С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда / С. В. Яров. – М. : Молодая гвардия, 2013. – 313 с.
2. Побратимы: регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается / редкол.: Ю. З. Кантор (отв. ред.) [и др.]. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. – 951 с.

3. *Газиева, Л. Л.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 гг.: дис. ... канд. ист. наук / Л. Л. Газиева. – СПб., 2011. – 313 с.
4. *Газиева, Л. Л.* Полемические вопросы финансирования эвакуации детей из Ленинграда в 1941–1942 гг. (к статье А. В. Зотовой «О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда») / Л. Л. Газиева // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2014. – Т. 20 (№ 2). – С. 51–53.
5. *Асташкин, Д. Ю.* Эвакуация детей Ленинграда в Ленинградскую область / Д. Ю. Асташкин // Побратимы: Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается. – Москва : Политическая энциклопедия, 2019. – С. 119–144.
6. *Асташкин, Д. Ю.* Гибель ленинградских детей при реэвакуации из Ленинградской области: обстрел станции Лычково 18 июля 1941 г. / Д. Ю. Асташкин // Новгород. ист. сб. науч. статей / Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Т. 18 (28). – Вел. Новгород : НГУ им. Ярослава Мудрого, 2019. – С. 275–284.
7. *Пянкевич, В. Л.* Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале дек. 1941 г. / В. Л. Пянкевич, А. Н. Чистиков // Новейшая история России. – 2019. – № 1. – С. 56–69.
8. *Вычеров, Д. А.* Эвакуация в дневниках ленинградских детей и подростков в 1941–1942 гг. / Д. А. Вычеров // Наука. Общество. Оборона. – 2019. – № 2. – С. 1–6.
9. *Яров, С. В.* Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века / С. В. Яров. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 430 с.
10. *Янке, Г.* Дневники в исторических исследованиях: тексты и контексты раннего Нового времени / Г. Янке // Новое лит. обозрение. – 2019. – Т. 157. – № 3. – С. 89 – 106.
11. Отчет Ленгорэвакокомиссии 26 апреля 1942 г. // ЦГА СПб. Ф. 7384. ОН. 3. Д. 50. Л. 189–193.
12. *Князев, Г. А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945 / редкол.: Н. П. Копанева (отв. ред.) [и др.]; под. текста А. Г. Абайдулова [и др.] / Г. А. Князев. – СПб. : Наука, 2009. – 1220 с.
13. Из дневника Мироновой Александры Николаевны // Оборона Ленинграда, 1941–1944. Воспоминания и дн. уч-ков. – Л. : Наука, 1968. – С. 756.
14. *Газиева, Л. Д.* Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–43 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. н. 07.00.02 / Л. Д. Газиева. – СПб, 2011.

15. *Берггольц, О. Ф.* Мой дневник: в 3 т.: 1941–1974 / сост. А. Н. Гаврилова, Н. А. Стрижкова [и др.] / О. Ф. Берггольц. – М. : Кучково поле – Т. 3. – 2020. – 840 с.
16. *Тумарева, Т. А.* «Единственное, что меня поддерживает, это вера в свою судьбу» / Т. А. Тумарева // Блокада глазами очевидцев / сост. С. Глезеров. – СПб. : Остров, 2019. – 256 с.
17. *Ласточкин, Н. А.* Осадное сидение / Н. А. Ласточкин // Блокада глазами очевидцев. Кн. 8. – СПб. : Остров, 2021. – С. 23–73.
18. Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 12. Оп. 2. № 38. Л. 73.
19. Записки оставшейся в живых. Блокадные дневники Т. Великотной, В. Берхман, И. Зеленской / сост. Н. Соколовская. – СПб. : Лениздат, Команда А, 2014. – 512 с.
20. *Руднева, М. М.* Блокадный дневник (1941–1942) / М. М. Руднева. – СПб: Коло, 2020.
21. *Ползикова-Рубец, К. В.* Дневник учителя блокадной школы (1941–1946) / К. В. Ползикова-Рубец. – СПб. : Тема, 2000.
22. *Дмитриев, Д. К.* Дни нашей жизни. Дневники, письма / Д. К. Дмитриев. – СПб., 2013. – 152 с.
23. *Шапорина, Л. В.* Дневник: в двух томах / Л. В. Шапорина.– М. : Новое лит. обозр., 2011. – 640 с.